

*Тайна
Желтой комнаты*

ГЛАВА 1, в которой начинается необъяснимое

Не без волнения приступаю я к рассказу о необычайных приключениях Жозефа Рультабийля. До сегодняшнего дня он столь категорически возражал против этого, что я уже отчаялся опубликовать когда-либо самую занятную детективную историю из тех, что случились за последние пятнадцать лет. Я думал даже, что публика никогда не узнает всей правды об удивительном деле Желтой комнаты и связанных с ним таинственных, ужасных и сенсационных событиях, в которых мой друг принимал самое непосредственное участие. Однако недавно некая вечерняя газета в связи с награждением прославленного Стейнджерсона Большим крестом Почетного легиона вспомнила на редкость в невежественной, а может быть, просто лживой статье об этой жуткой истории, которую Жозеф Рультабийль, по его словам, хотел бы забыть навсегда.

Желтая комната! Кто теперь помнит об этом деле, заставившем пятнадцать лет назад пролиться столько чернил? В Париже так скоро обо всем забывают! А ведь в свое время буквально весь мир в течение нескольких месяцев недоумевал перед этой загадкой, на мой взгляд — самой необъяснимой в истории нашей полиции и суда. Каждый искал решение столь непостижимой задачи. Над нею ломали голову и старая Европа, и юная Америка. И поистине — я позволю себе так выразиться, поскольку не тешу свое авторское тщеславие, а лишь излагаю факты,

которые благодаря предоставленным мне сведениям предстают в совершенно новом свете, — так вот, поистине, я не думаю, что в какой-либо области реального или воображаемого, даже у автора «Убийства на улице Морг», даже в измышлениях подражателей Эдгару По или правдивым рассказам Конан Дойля, можно найти что-то, что сравнилось бы по таинственности с историей Желтой комнаты.

Разгадку, которую не мог найти никто, отыскал юный Жозеф Рультабийль, в ту пору восемнадцатилетний начинающий репортер известной газеты. Но, предоставив суду ключ к делу, всей правды он не открыл, рассказав лишь то, что было необходимо для «объяснения необъяснимого» и оправдания невиновного. Сегодня у него уже нет причин что-либо скрывать. Более того, мой друг обязан говорить. Итак, вы узнаете все; а теперь, без лишних предисловий, я обрисую загадку Желтой комнаты в том виде, в каком узнал ее весь мир на следующий день после драмы в замке Гландье.

25 октября 1892 года в вечернем выпуске газеты «Тан» появилось следующее сообщение:

В замке Гландье, расположенном на опушке леса Сент-Женевьев, неподалеку от Эпине-сюр-Орж, и принадлежащем профессору Стейнджерсону, совершено страшное преступление. Сегодня ночью, когда ученый трудился у себя в лаборатории, была сделана попытка убить мадемуазель Стейнджерсон, которая спала в комнате, примыкающей к лаборатории. По мнению врачей, жизнь мадемуазель Стейнджерсон в опасности.

Можете себе представить, какое волнение охватило Париж. В то время весь ученый мир с большим интересом следил за работами профессора Стейнджерсона и его дочери. Это были первые работы по рентгенографии, продолжив которые господин и госпожа Кюри открыли впоследствии радий. К тому же все тогда находились в ожи-

дании: профессор Стейнджерсон намеревался прочесть в Академии наук сенсационный доклад, касающийся новой теории распада материи. Теория эта должна была поколебать основы официальной науки, долгое время провозглашавшей принцип: ничто не исчезает бесследно и не возникает из ниоткуда.

На следующий день утренние газеты уже всю трубили о случившемся. В частности, «Матен» опубликовала следующую статью, озаглавленную «Сверхъестественное преступление».

Сообщаем подробности, — писал неизвестный сотрудник газеты, — которые нам удалось узнать о преступлении в замке Гландье. Отчаяние профессора Стейнджерсона и невозможность получить какие-либо сведения от жертвы сделали расследование столь трудным, что сейчас никто не имеет ни малейшего понятия о том, что же произошло в Желтой комнате, где была найдена мадемуазель Стейнджерсон: в одной ночной сорочке она лежала на полу и хрипела. Однако нам удалось расспросить папашу Жака — так тут называют старого слугу семейства Стейнджерсон. Папаша Жак проник в Желтую комнату одновременно с профессором. Комната эта примыкает к лаборатории. Лаборатория и Желтая комната помещаются в небольшом павильоне, стоящем в глубине парка примерно в трехстах метрах от замка.

— Случилось это в половине первого ночи, — рассказал нам добрый старик. — Я тогда был в лаборатории; господин Стейнджерсон все еще работал. Я прибирался там весь вечер и уже ждал ухода господина Стейнджерсона, чтобы самому пойти спать. Мадемуазель Матильда трудилась с отцом до полуночи; когда на стенных часах пробило полночь, она встала и, поцеловав господина Стейнджерсона, пожелала ему доброй ночи. Мне она тоже сказала: «Спокойной ночи, папаша Жак» — и отворила дверь Желтой комнаты. Потом мы услышали, как она заперла ее на ключ и задвинула засов, — я даже рассмеялся и сказал господину профессору: «Наша барышня

закрывается на два запора — не иначе как боится Божьей Коровки!» Но профессор был так занят, что ничего не слышал. И тут снаружи раздалось отвратительное мяуканье. Я сразу узнал голос Божьей Коровки — аж дрожь по телу... «Неужели она и сегодня ночью будет мешать всем спать?» — подумал я. Надо вам сказать, сударь, что до конца октября я живу на чердаке павильона, как раз над Желтой комнатой, чтобы барышня не оставалась по ночам одна. Это она придумала жить в теплое время в павильоне — ей там кажется веселее, чем в замке. Все четыре года, как построили павильон, она каждую весну переезжает туда. А с приходом зимы возвращается в замок, потому что в Желтой комнате нет камина... Ну так вот. Мы с господином Стейнджерсоном были в домике. Оба мы сидели тихо: он у себя за столом, я, закончив дела, присел на стул, смотрел на профессора и думал: «Какой умница! А сколько всего знает!» Я говорю, мы сидели тихо, и поэтому убийца наверняка думал, что мы ушли. И вдруг, как раз когда часы били половину первого, из Желтой комнаты раздался отчаянный крик барышни: «Убивают! Убивают! На помощь!» Тут же громыхнули выстрелы, загрохотала мебель, словно там шла борьба, и мы опять услышали крик: «Убивают! На помощь! Отец! Отец!»

Мы с господином Стейнджерсоном, ясное дело, вскопчили и бросились к двери. Но, увы, она была заперта, как я уже говорил, и очень крепко — на ключ и засов. Мы попытались ее высадить, но не тут-то было. Господин Стейнджерсон словно обезумел, да и было от чего: мы хорошо слышали, как барышня хрипло кричит: «На помощь! На помощь!» Господин Стейнджерсон со страшной силой колотил в дверь, плача от ярости, отчаяния и беспомощности. И тут меня осенило. «Убийца проник через окно!» — воскликнул я и как сумасшедший выскочил из павильона. На беду, окно Желтой комнаты выходит в поле, и стена, что ограждает парк и примыкает к павильону, мешала мне сразу добраться до этого окна. Чтобы попасть к нему, нужно было выйти из парка. Я бросился к воротам и по дороге встретил привратника Бернье с женой, которые спешили к павильону, привлеченные выстрелами и криками.

В двух словах я объяснил им, в чем дело, и велел привратнику бежать к господину Стейнджерсону, а его жена тем временем открыла мне ворота парка. Через пять минут мы с ней стояли перед окном Желтой комнаты. Луна светила ярко, и я хорошо видел, что к окну никто не приотрагивался. Решетка не тронута, даже ставни за решеткой закрыты — я сам каждый день под вечер их запираю, хотя барышня знает, что у меня много работы и я устаю, и как-то сказала, что станет закрывать их сама; вот они и были заперты изнутри на железную задвижку. Стало быть, убийца не мог ни влезть в окно, ни выскочить из него, но и я не мог проникнуть в комнату.

Вот несчастье! Было от чего потерять голову. Дверь комнаты заперта изнутри на ключ, ставни единственного окна закрыты, тоже изнутри, а сверх того, еще решетка, через которую и руку-то не просунешь... А барышня зовет на помощь! Хотя нет, кричать она тогда уже перестала. Я подумал: может, она уже умерла... Но было слышно, как профессор все еще пробует взломать дверь.

Мы с привратницей повернули назад и возвратились в павильон. Дверь еще держалась, несмотря на яростные удары господина Стейнджерсона и Бернье. Наконец она подалась, и что же мы увидели? Нужно сказать, что позади нас стояла привратница с яркой лампой, освещавшей всю комнату. Еще, сударь, хочу вам сказать, что Желтая комната совсем невелика. Барышня поставила в ней довольно большую железную кровать, маленький стол, ночной столик, туалет и два стула. И вот при свете большой лампы, которую держала привратница, мы разом окинули взглядом всю комнату. Посредине лежала барышня в ночной сорочке. Перевернутые столы и стулья говорили о том, что она боролась не на жизнь, а на смерть. Барышня была вся в крови, а на шее у нее виднелись жуткие следы ногтей, настоящие раны; из пробитого правого виска сочилась кровь, на полу даже собралась небольшая лужа. Когда господин Стейнджерсон увидел дочь в таком состоянии, он бросился к ней с отчаянным криком — аж сердце сжалось от жалости. Увидев, что несчастная еще дышит, он с той минуты занимался только ею. Мы же

принялись искать этого негодяя, который хотел убить нашу хозяйку, и клянусь вам, сударь, попадись он нам, ему пришлось бы туго. Но почему его там не оказалось? Как ему удалось скрыться? Это выше моего понимания. Под кроватью — никого, за столами, стульями — тоже никого! Мы нашли лишь следы, которые он оставил: кровавые отпечатки огромной мужской руки на стене и двери, пропитавшийся кровью большой платок без всяких там инициалов, старый берет да много отпечатков ног на полу. У человека, побывавшего в комнате, была большая нога; подошвы везде оставили следы какой-то черноватой пыли. Как он вошел в комнату? Как скрылся? Не забываете, сударь, что в Желтой комнате нет камина. Он не мог выскользнуть в дверь — она очень узкая, да к тому же на пороге стояла привратница с лампой, пока мы с привратником обшаривали эту комнатку. Спрятаться там просто негде, и мы, понятное дело, никого не нашли. За взломанной дверью тоже было не укрыться, мы в этом убедились. Через окно с плотно запертыми ставнями и нетронутой решеткой убежать невозможно. Значит, что же? Клянусь вам, сударь, тут мне пришел на ум дьявол.

Но как вы думаете, что мы нашли на полу? Мой револьвер. Да, мой собственный револьвер. Это меня отрезвило. Дьявол не стал бы красть у меня револьвер, чтобы убить барышню. Человек, проникший сюда, поднялся сперва ко мне на чердак, взял из ящика револьвер и воспользовался им для своих гнусных замыслов. Мы проверили барабан и обнаружили, что убийца стрелял дважды. Как бы то ни было, сударь, мне повезло: когда случилось несчастье, господин Стейнджерсон был в лаборатории и собственными глазами видел, что я тоже был там, потому что с этим револьвером мы бог знает до чего бы дошли — я мог угодить за решетку. Полиции ведь немного нужно, чтоб послать человека на плаху.

После интервью шли следующие строки:

Мы, не вмешиваясь, позволили папаше Жаку рассказать в общих чертах то, что он знает о преступлении в Желтой комнате. Мы сохранили все его выражения и лишь

избавили читателей от многочисленных сетований, которыми он уснастил свой рассказ. Но ведь это понятно, папаша Жак! Понятно, что вы любите своих хозяев! Вам нужно, чтобы об этом знали, и вы все время твердите об этом, особенно с момента обнаружения револьвера. Это ваше право, и мы не видим тут ничего неуместного. Только мы собрались задать папаше Жаку — Жаку Луи Мустье — несколько вопросов, как его позвали к следователю, проводившему допросы в большой зале замка. Проникнуть в Гландье нам не удалось, а дубовая роща, где стоит павильон, была окружена полицейскими, ревностно выискивающими любой след, который вел бы к павильону, а быть может, и к разоблачению убийцы.

Нам также хотелось порасспросить привратников, но их нигде не было видно. В конце концов мы устроились в трактире, неподалеку от ворот замка, чтобы подождать господина де Марке, следователя из Корбейля. В половине шестого он вышел вместе со своим письмоводителем. Пока он садился в экипаж, нам удалось задать ему следующие вопросы:

— Не могли бы вы, господин де Марке, сообщить нам что-либо по этому делу, разумеется без ущерба для следствия?

— Сейчас мы не можем ничего сказать, — ответил господин де Марке. — Впрочем, это дело — самое странное из всех, с какими мне приходилось сталкиваться. Только нам начинает казаться, что мы что-то узнали, как обнаруживается, что мы не знаем ничего.

Мы попросили господина де Марке пояснить последние слова. Важность его ответа, надеемся, поймет каждый.

— Если к вещественным доказательствам, собранным сегодня прокуратурой, ничего не прибавится, я боюсь, что тайна, окружающая гнусное покушение на мадемуазель Стейнджерсон, останется неразгаданной. Однако следует надеяться, что тщательные измерения толщины стен, потолка и пола Желтой комнаты, измерения, которыми я собираюсь заняться завтра вместе с подрядчиком,

строившим четыре года назад этот павильон, дадут нам доказательства того, что нужно всегда уповать на логику вещей. Проблема заключается вот в чем: мы знаем, как убийца проник в комнату — вошел в дверь и спрятался под кровать, ожидая прихода мадемуазель Стейнджерсон. Но как он оттуда вышел? Как ему удалось убежать? Если мы не найдем ни лаза, ни потайной двери или чулана, если, измерив толщину стен и даже разрушив их — и я, и господин Стейнджерсон готовы на все, вплоть до сноса павильона, — если и после всего этого мы не найдем какой-либо проход, пригодный пусть даже не для человека, но для любого живого существа, если в потолке нет никаких незаметных проемов, а под полом — подвала, нам останется лишь поверить в дьявола, как выразился папаша Жак!

Далее неизвестный сотрудник газеты отмечал в своей статье, которую я выбрал как наиболее интересную из всего опубликованного в тот день, что следователь, похоже, вложил какой-то свой смысл в последнюю фразу: «Тогда нам останется лишь поверить в дьявола, как выразился папаша Жак».

Заканчивалась статья следующим:

Нам захотелось узнать, что папаша Жак имел в виду под словами «голос Божьей Коровки». Хозяин трактира «Донжон» объяснил, что так здесь называют необычайно зловещие вопли, издаваемые иногда по ночам кошкой, которая принадлежит местной жительнице, старухе по прозвищу Молељица. Матушка Молељица — это отшельница, живущая в хижине, в самой гуще леса, неподалеку от грота Святой Женевьевы.

Желтая комната, Божья Коровка, матушка Молељица, дьявол, святая Женевьева, папаша Жак — вот действующие лица запутанного преступления, которое завтра, надеемся, будет распутано ударом кирки. А пока нам остается лишь верить, что мадемуазель Стейнджерсон, которая все еще бредит, произнося лишь одно слово: «убийца», не уйдет этой ночью в мир иной.

Эта же газета в полученном в последний час сообщении объявила, что начальник уголовной полиции вызвал телеграфом из Лондона знаменитого инспектора Фредерика Ларсана, который находился там по делу о краже ценных бумаг.

ГЛАВА 2, в которой впервые появляется Жозеф Рультабийль

Я помню, словно это произошло лишь вчера, как в то утро юный Рультабийль появился у меня в комнате. Было около восьми часов, и я еще лежал в постели, читая статью «Матен» о преступлении в Гландье.

Однако прежде всего мне хотелось бы представить вам моего друга. Когда я познакомился с Жозефом Рультабийлем, он только начинал как газетный репортер. Я был тогда молодым адвокатом и часто встречал его в коридорах прокуратуры, куда приходил испросить у следователя разрешение встретиться со своими подзащитными в тюрьме Мазас или Сен-Лазар. Рультабийль был симпатичный малый с круглой как шар головой, румяный, то веселый, как жаворонок, то серьезный, словно папа римский. Каким образом он, такой молодой — когда я увидел его впервые, ему не было и семнадцати, — ухитряется зарабатывать себе на хлеб журналистикой? Этим вопросом задавался всякий, кто не знал, как он дебютировал. А дело было так: когда на улице Оберкампф обнаружили расчлененный труп женщины, Рультабийль принес главному редактору «Эпок» — газеты, конкурировавшей в ту пору с «Матен», — левую ступню, отсутствовавшую в корзине, где были найдены зловещие останки. Эту ступню, которую полиция безуспешно искала целую неделю, он нашел в сточной канаве, куда никто даже не удосужился заглянуть. Для этого ему пришлось наняться в бригаду

водопроводчиков, собранную муниципалитетом Парижа для ликвидации ущерба, который причинил городу необычайно сильный разлив Сены.

Когда главный редактор заполучил драгоценную ступню и понял, благодаря каким остроумным рассуждениям молодому человеку удалось ее отыскать, его охватили два чувства: восхищение проницательностью шестнадцатилетнего мальчишки и ликование по поводу того, что он может выставить на всеобщее обозрение «левую ступню с улицы Оберкампф». «Из этой ступни, — воскликнул он, — я сделаю передовицу!» Потом, отдав зловецкий пакет редакционному врачу, он поинтересовался у Рутьабийля, сколько тот хочет жалованья, если согласится стать репортером отдела происшествий. «Двести франков в месяц», — скромно ответил молодой человек, едва не задохнувшись от неожиданного предложения. «Получите двести пятьдесят, — возразил редактор, — но если объявите публично, что работаете у нас в редакции уже месяц. Тогда всем станет ясно, что „левую ступню с улицы Оберкампф“ нашли не вы, а газета „Эпок“. У нас, мой юный друг, личность — ничто, газета — все!»

Вскоре новый сотрудник приобрел много друзей, так как отличался услужливостью и веселым нравом, чем очаровывал самых ворчливых и обезоруживал самых завистливых. В кафе, где собирались репортеры отделов происшествий, прежде чем подняться в прокуратуру или префектуру в поисках новых преступлений, у него начала создаваться репутация сметливого парня, для которого даже двери шефа уголовной полиции — не преграда. Если главный редактор поручал Рутьабийлю стоящее дело, репортеру не раз случалось утереть нос самым знаменитым инспекторам полиции.

В этом-то кафе у меня и завязалось с ним более тесное знакомство. Адвокаты по уголовным делам и журналисты не враждуют между собой: одним нужна реклама, другим — сведения. Мы разговорились, и я тут же по-

чувствовал глубокую симпатию к этому славному парнишке. У него был чрезвычайно живой и оригинальный ум и весьма своеобразный способ мышления.

Некоторое время спустя я взялся вести судебную хронику в газете «Кри дю бульвар». С моим приходом в журналистику наша дружба с Рультабийлем стала только крепче. Чем больше я его узнавал, тем сильнее любил; под маской веселого сумасбродства он скрывал необычайную для своих лет серьезность. Я уже привык к тому, что обычно он оживлен, порою даже слишком, но мне не раз приходилось видеть его погруженным в глубокую грусть. Я пытался выведать у него причину такой изменчивости, но он всякий раз только смеялся и ничего не отвечал. Однажды я спросил его о родителях — он никогда о них не рассказывал, — но Рультабийль тут же отошел в сторону, сделав вид, что не расслышал.

Тем временем разразилось нашумевшее дело Желтой комнаты, сделавшее его первым не только среди репортеров, но и среди сыщиков всего мира: не следует удивляться сочетанию этих достоинств в одном человеке, поскольку уже тогда ежедневные газеты стали походить на теперешние, то есть на хронику преступлений. Люди мрачные сетуют на это, я же считаю, что нас надо с этим поздравить — ведь чем больше и общество, и частные лица будут бороться с преступниками, тем лучше. Мрачно настроенные люди могут возразить, что, уделяя столько внимания преступлениям, пресса в конечном счете их вызывает. Но на таких ведь никогда не угодишь, верно?

Итак, 26 октября 1892 года Рультабийль оказался у меня в комнате. Он был румянее обычного, широко раскрытые глаза выдавали крайнее возбуждение. Размахивая номером «Матен», он вскричал:

- Ну, дорогой Сенклер, читали?
- О преступлении в Гландье?
- Да, о Желтой комнате! Что вы об этом думаете?

— Думаю, черт побери, что преступление совершил дьявол или Божья Коровка.

— Нет, кроме шуток.

— Знаете, я не очень-то верю в убийц, которые просачиваются сквозь стены. По-моему, папаша Жак совершил ошибку, оставив в комнате орудие преступления, и поскольку он живет над комнатой мадемуазель Стейнджерсон, архитектурная операция, которую собирается провести сегодня следователь, даст ключ к решению этой загадки, и мы вскоре узнаем, через какой лаз или потайную дверь молодчик мог проскользнуть, чтобы тут же вернуться в лабораторию за спиной ничего не подозревавшего господина Стейнджерсона. Что вы на это скажете? Неплохая гипотеза?

Рультабийль уселся в кресло, раскурил трубку, с которой никогда не расставался, и несколько минут молча курил — явно для того, чтобы справиться с возбуждением, — после чего пренебрежительно бросил:

— Молодой человек, вы адвокат, и я ничуть не сомневаюсь в ваших способностях заставить суд оправдать виновного, но если когда-нибудь вы станете следователем, то вы с такой же легкостью сможете заставить суд осудить невинного. Вы поистине талантливы, молодой человек. — Он выпустил несколько клубов дыма и продолжал: — Никакого лаза не найдут, и тайна Желтой комнаты сделается еще таинственнее. Потому-то она меня и интересует. Следователь прав: свет не выдывал ничего более странного, чем это преступление.

— У вас есть догадка относительно того, как мог скрыться убийца? — спросил я.

— Нет, — ответил Рультабийль, — пока нет. Но зато у меня есть догадка относительно револьвера. Им воспользовался не убийца.

— Но тогда кто же?

— Ладно, скажу; хотя... Мадемуазель Стейнджерсон.

— Не понимаю. Решительно не понимаю.

— Скажите, в этой статье вас ничто не удивило? — спросил, пожав плечами, Рутьабийль.

— Да нет. По-моему, там все одинаково странно.

— Это так, но... А запертая на ключ дверь?

— Самая объяснимая вещь во всей этой истории.

— Вот именно! А засов?

— Засов?

— Да, задвинутый изнутри засов. Мне кажется, мадемуазель Стейнджерсон кого-то опасалась: она приняла меры предосторожности и даже взяла у папаши Жака револьвер без его ведома. Понятно, она не хотела никого пугать, в особенности отца. Но то, чего мадемуазель Стейнджерсон боялась, все же случилось; она стала защищаться, завязалась борьба, и ей удалось довольно ловко воспользоваться револьвером и ранить убийцу в руку — вот откуда взялись кровавые отпечатки ладони на стене и двери: этот человек на ощупь искал выход, — однако выстрелила она недостаточно быстро, чтобы избежать страшного удара в правый висок.

— Значит, мадемуазель Стейнджерсон ранили не из револьвера?

— В газете об этом ничего нет, но мне кажется логичным, что мадемуазель Стейнджерсон воспользовалась им, защищаясь от убийцы. Но тогда каким оружием воспользовался убийца? Ему не удалось задушить мадемуазель Стейнджерсон, и он решил покончить с нею ударом в висок. Он, должно быть, знал, что на чердаке живет папаша Жак, и, видимо, поэтому решил воспользоваться каким-нибудь «тихим» оружием — дубинкой или, может быть, молотком.

— Но все это не объясняет, каким образом убийца покинул Желтую комнату, — возразил я.

— Разумеется, — ответил, вставая, Рутьабийль, — а так как объяснить это надо, я еду в замок Гландье и зашел, чтобы взять вас с собой.

— Меня?

— Да, мой друг, вы мне нужны. «Эпок» поручила это дело мне, и я должен как можно скорее выяснить, что к чему.

— Но чем я-то могу вам помочь?

— Господин Робер Дарзак сейчас в замке.

— Да, верно. Он, должно быть, в страшном отчаянии.

— Мне нужно с ним поговорить, — произнес Рультабийль тоном, который меня удивил.

— Вы полагаете, он сообщит вам что-нибудь интересное?

— Да.

Больше мне не удалось вытянуть из Рультабийля ни слова. Он прошел в гостиную, попросив меня одеться побыстрее.

Я познакомился с Робером Дарзаком, когда помогал ему в одном гражданском процессе, будучи секретарем мэтра Барбе-Делатура. Сорокалетний профессор физики в Сорбонне Робер Дарзак был близко связан с семейством Стейнджерсон, поскольку после семи лет прилежных ухаживаний решил наконец жениться на мадемуазель Стейнджерсон — уже не юной (ей было лет тридцать пять), но замечательно красивой женщине.

Одеваясь, я крикнул Рультабийлю, с нетерпением дожидавшемуся меня в гостиной:

— У вас уже сложилось мнение об общественном положении убийцы?

— Да, мне кажется, что он если не человек света, то, во всяком случае, занимает в обществе не самое низкое положение. Но это лишь догадки.

— А почему вы так думаете?

— Об этом говорят засаленный берет, простой пла-ток, следы грубых башмаков, — ответил молодой человек.

— Понимаю: такое количество улики оставляют только затем, чтобы пустить по ложному следу!

— Из вас выйдет толк, дорогой Сенклер, — заключил Рультабийль.

СОДЕРЖАНИЕ

ТАЙНА ЖЕЛТОЙ КОМНАТЫ	5
ДУХИ ДАМЫ В ЧЕРНОМ	253
Примечания. <i>Г. Соловьева</i>	530

Леру Г.

Л 49 Тайна Желтой комнаты ; Духи дамы в черном : романы / Гастон Леру ; пер. с фр. И. Русецкого. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 544 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-23659-2

Гастон Леру — классик детективного и мистического романа, автор одного из самых известных французских произведений всех времен — «Призрак Оперы». Вот уже более века по его книгам снимаются фильмы и сериалы, ставятся спектакли и мюзиклы. В настоящее издание вошли два романа Леру о приключениях репортера Жозефа Рультабийля: «Тайна Желтой комнаты» и «Духи дамы в черном».

«Тайна Желтой комнаты», пожалуй, самый известный детективный роман о преступлении в герметично замкнутом пространстве. В замке близ Парижа совершено «невозможное» преступление — убийство в закрытой комнате. Полиция заходит в тупик, гадая, каковы мотивы преступника и как он смог попасть в запертую изнутри комнату, а затем незаметно скрыться. Однако юный репортер Жозеф Рультабийль убежден, что неразрешимых загадок не бывает...

В романе «Духи дамы в черном», который является продолжением «Тайны Желтой комнаты», Жозеф Рультабийль вступает в поединок с изощренным преступником, виртуозно меняющим обличья.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ГАСТОН ЛЕРУ

ТАЙНА ЖЕЛТОЙ КОМНАТЫ

•

ДУХИ ДАМЫ В ЧЕРНОМ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Мария Антипова
Корректор Светлана Федорова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 13.07.2023. Формат издания 76 × 100 1/32.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 23,97. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ООО «Тверской полиграфический комбинат».

170024, Россия, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34. Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page — www.tverpk.ru. Электронная почта (E-mail) — sales@tverpk.ru

Y-AKB-32613-01-R